

Александр Осипов¹

О ПРИСТАВКЕ «ПРЕ-»

У приставки «пре-» несколько значений. Мы обращаем внимание на то, которое указывает на интенсивное действие, превосходящее определённую меру или границу. Или на превосходную степень качества. При этом мы допускаем, что в ряде случаев читателю может показаться более подходящей другая интерпретация. Например, та, которая соответствует глаголам «преображать» или «превращать».

Интересно посмотреть, как работают эти смыслы с глаголом «любить», который сам имеет несколько оттенков. Считается, что в Греции некоторое время назад использовались разные слова для патетических или низменных чувств. Но законы живого языка загадочны, время проходит — и люди говорят «я люблю сыр», «я люблю мать», «я люблю свою страну», обозначая одним и тем же глаголом качественно разные (как нам кажется) явления.

1. О прелюбодействе

Седьмая заповедь гласит: «Не прелюбодействуй». Традиционное толкование основано на указании евангелиста Матвея: *«А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём»* (Матф. 5:28).

Мы позволим себе указать на возможность расширить понимание этой заповеди. «Не прелюбодействуй» означает — не пре-

---

¹ **Осипов Александр Васильевич** родился в Ленинграде. Закончил в 1971 году математико-механический факультет Ленинградского гос. университета им. А.А. Жданова. Профессия математик. Канд. физ-мат. наук, учёное звание — доцент. Автор нескольких книг по математике, но помимо математических интересов есть и другие — история, литература, философия. Издатель и главный редактор с 2000 года альманаха «Консерватор» (выпуски 1–6), автор книги «Моё беспечное незнание» (СПб., 2019, изд. «Супер», 324 стр.) и публицистических статей, начиная с 1980-х годов. Живёт в Санкт-Петербурге.

вращай любовь в спорт, не занимайся установлением рекордов. Эта не та сфера, где нужно стараться быть всё лучше и выше, и выше. Прелюбодействовать можно и с женой, но переедание похотью чревато не только нравственными неприятностями, но может быть вредно и для здоровья.

Прелюбодействовать — на современном сленге «заниматься любовью» (faire l'amore). Об этом и говорит евангелист, когда указывает на вожделение, которое отрывается от чувства любви и существует независимо. Это отделение «спортивной составляющей» иногда воспринималось как характерный признак материалистической идеологии, и показательным примером служит отношение к трактату Тита Лукреция Кара «О природе вещей» как к первому документу побеждающего материализма.

*Это Венера для нас; это мы называем Любовью,
В сердце отсюда течёт сладострастья Венерина влага,
Капля за каплей сочась, и холодная следом забота.
Ибо, хоть та далеко, кого любишь, — всегда пред тобою
Призрак её, и в ушах звучит её сладкое имя.
Но убежать надо нам этих призраков, искореняя
Всё, что питает любовь, и свой ум направлять на другое,
Влаги запас извергать накопившийся в тело любое,
А не хранить для любви единственной, нас охватившей,
Тем обрекая себя на заботу и верную муку.*

Если есть спорт, то есть и рекорды. Есть спортсмены-любители, есть и профессионалы, достигающие успехов в результате упорных тренировок. Но организм изнашивается, стареет, и когда-то им приходится уходить из большого спорта, а это проблема, ибо другим ремеслом они не владеют. Тогда они начинают учить других или становятся организаторами чего-нибудь.

2. О любви к родине и профессионализме

Киношная фраза: «Есть такая профессия — родину защищать!» — как-то так и осталась «киношной». Её употребляют разве что на митингах. В русской литературе такое не встречается. Да и в народе её не часто произносят. Может быть, потому, что люди не любят слишком красивые слова, а может быть, потому, что эта фраза провоцирует вопросы типа: «А Порт-Артур — это родина?»; «А герои Шипки тоже защищали родину?». «Министерства защиты» есть в любой стране. И, например, англичане в опиумных войнах защищали свободу торговли, суверенное пра-

во продавать опиум там, где они хотят. Американцы во Вьетнаме тоже что-то защищали. Цивилизацию, кажется. Но всё-таки пара «защищать» и «профессия» звучит непривычно.

Ещё более странно сочетаются слова «любить» и «профессия». Тем не менее, похоже, что есть такая профессия — родину любить. И вполне себе распространённая. И прибыльная. И если военный, профессия которого — защищать родину, обладает оружием, которое позволяет ему профессионально выполнять свои обязанности, то и профессиональный патриот обладает не менее сильным оружием. Из телевизионной студии он может расстреливать врага, не боясь «ответки».

Это деликатная тема, и она была неоднократно отражена в публицистике. Мы не будем её развивать, а сейчас вернёмся к седьмой заповеди, использующей приставку «пре-», и поговорим о сферах человеческого бытия, в которых допускаются действия, превосходящие всякую границу.

3. О доброте и излишестве

Три года назад я опубликовал книгу «Моё беспечное незнание», состоящую из нескольких статей публицистического характера. Она не вызвала никакого интереса, тем более резонанса, тем не менее, один уважаемый критик в небольшом двухстраничном обзоре сделал ряд замечаний², за что я ему признателен. Одно из замечаний относилось к эпиграфу одной из глав рассказа, который назывался «Тётя Катя».

«Довольно странное впечатление оставляют рассуждения Ф. Бэкона и полностью согласного с ними А. Осипова о понятиях добра и зла: “Доброта соответствует евангельскому милосердию; излишество в ней невозможно, возможны лишь заблуждения”. Спросим себя и автора, нужно ли бороться с террористами? Зачем существуют армии? Следует ли убивать детей полицейских, которые противостоят митингующим в Москве в августе 2019 года? Вопросы такого рода легко покрываются словами: “Излишество в доброте невозможно”».

Честно говоря, эпиграфы (или, лучше сказать, «постграфы», поскольку цитаты, соответствующие смыслу главы, я ставил в конце этих глав из Френсиса Бэкона) я старался подбирать так,

---

² Г. Муриков. Прим. ред.

чтобы они соответствовали сюжету, но не всегда это получалось очень удачно. Но в данном случае очень хорошо получилось. Полностью эта цитата была такой (Френсис Бэкон):

«Под добротой я разумею заботу о благе людей, называемую у греков “филантропией”; слово “гуманность” (как оно употребляется ныне) для неё несколько легковесно. Добротой я называю деяние, добродушием же — природную склонность. Из всех добродетелей и достоинств доброта есть величайшее, ибо природа её божественна; без неё человек — лишь суетное, вредоносное и жалкое создание, не лучше пресмыкающегося. Доброта соответствует евангельскому милосердию; излишество в ней невозможно, возможны лишь заблуждения. Чрезмерное властолюбие привело к грехопадению ангелов, чрезмерная жажда знания — к грехопадению человека; милосердие же не бывает чрезмерным и не может ввести в грех ни человека, ни ангела».

Я не писал, что я согласен с автором, тем более, полностью я приводил тексты Бэкона для того, чтобы обратить на них внимание, чтобы читающий мог получить удовольствие от чтения замечательных строк великого философа. Что касается примеров, которые приводит уважаемый критик, то тут другая категория, здесь нужна «специальная философия», на которую я не претендую. В последнее время среди любителей психологии наметился интерес к патологиям, и появилось направление, которое считает, что на этом пути и нужно строить основы науки, называемой социальной психологией. И поэтому, если я утверждаю, что молодые люди по утрам должны делать зарядку, то мне тотчас возразят: а если разбойники накануне палкой по голове ударили молодого человека, то он тоже должен делать зарядку? Нет? Значит, ваше утверждение не является абсолютным!

Особенно достаётся библейским тезисам. Например, Золотому правилу из Нагорной проповеди. В этом случае приводят пример какого-нибудь насильника, развратника или террориста. Должен ли я к нему относиться так, как хотел бы, чтобы относились ко мне? Я не умею отвечать на такие вопросы. Это патология, а патологиями занимаются специальные государственные институты. Как, например, болезнями людей занимаются институты гриппа, онкологические центры и институты головного мозга. Тезисы Бэкона предназначены для людей психологически достаточно здоровых, с обычными человеческими инстинктами.

Это всё понятно, но здесь есть более интересная деталь, не связанная с патологиями. Почти философский вопрос: какие свойства человеческих сообществ можно совершенствовать беспрестанно, а в каких случаях всё-таки следует вовремя остановиться? Отмечу, что Френсис Бэкон, как и Шекспир, был, конечно, знаком и с Титом Ливием, и с Данте, причём не только с «Божественной комедией». И он как бы продолжает цепочку рассуждений этих великих предшественников, противопоставляя алчности милосердие.

«Либо пристрастность к взятому на себя делу вводит меня в заблуждение, либо и впрямь не было никогда государства более великого, более благочестивого, более богатого добрыми примерами, куда алчность и роскошь проникли бы так поздно, где так долго и так высоко читили бы бедность и бережливость. Да, чем меньше было имущество, тем меньшею была жадность; лишь недавно богатство привело за собою корыстолюбие, а избыток удовольствий — готовность погубить всё ради роскоши и телесных утех» (Тит Ливий. История Рима от основания города).

«И на что другое направлены раздумья обоих законодательств — я говорю о праве церковном и гражданском, — как не на борьбу с алчностью, разрастающейся по мере накопления богатств?» (Данте. Пир).

Впрочем, Бэкон добавляет, что «возможны заблуждения», и в шестом номере альманаха «Консерватор» читатель сможет найти примеры богатств, которые росли на «благотворительности», как на дрожжах.

4. О знании и могуществе

Ещё одна цитата из Бэкона обратила внимание моего критика:

«Здесь надо обратиться к своеобразному литературному методу А. Осипова, который, как уже было сказано, состоит в рассматривании аксельбантов, т. е. цитат из тех или иных сочинений, и придумывании к ним комментариев разного рода. Так, приведена цитата из Ф. Бэкона: “Знание и могущество человека совпадают, ибо незнание причины затрудняет действие”. Совершенно очевидно, что эта мысль не только неверная, но просто глупая: любой бандит побьёт на улице профессора без объяснения причин».

И действительно! Взял — и ни с того ни с сего, без объяснения причин нагрубил профессору. Хорошую книгу бесцеремонно подёргал в разных местах и, поленившись прочитать хотя бы по диагонали, написал несколько бессмысленных замечаний. Конечно, это затрудняет мои действия, поскольку я не знаю причин такого поведения. Дорогу вроде бы не переходил, ни о чём не просил — не понимаю. Но не в этом дело. Есть примеры посерьёзнее.

Среди множества статей критика есть пара работ, анализирующих известный большой немецкий текст «Моя борьба». Что ж, это документ эпохи, и он должен быть проанализирован. И должен был быть проанализирован, поскольку из текста этого документа без каких-либо сомнений, совершенно определённо и однозначно следует, что Советской России объявлена война, война жёсткая, колонизаторская, причём обозначено, что все заключённые договоры будут иметь чисто декоративный характер. Это и есть причина войны и, по-видимому, наше незнание этой причины сильно затруднило действие.

Текст, о котором я говорю, не читали только те, кто должен был его читать по долгу службы. Эти люди занимались зарабатыванием своих миллиардов на перекачке нефти, когда в начале нулевых уже шла активная работа на Украине по созданию идеологии, организации, лидеров по инструкции, которую представляет собой эта книга. По созданию штурмовых отрядов по образцу и подобию. И очень чёткая, без всяких репетиций и стеснений работа в начале 2014 года. И очень чёткая «работа» второго мая этого же года. Не должно быть никаких сомнений, там не было случайностей. Если не здесь, то произошло бы то же самое в другом месте. Всё буквально «по писаному» — с жёстким требованием построения моностраны: одна неделимая территория, один язык. У этой идеологии нет компромиссов, нет договоров, которые могли бы помешать достижению целей. И как бы случайно — проявление интереса западных стран к расширению своего влияния за счёт происходящих процессов. Так что незнание причины очень затруднило действия. Точнее говоря, никаких действий предпринято не было. Во всяком случае, видимых.

Но возвращаясь к Бэкону. Цитата философа моим критиком была сокращена. А жаль, поскольку он (философ) пишет важные вещи. Любопытный читатель сам найдёт в Интернете продолжение, если захочет, а я только скажу, что причины, следствия, правила часто меняются. Была причина, а стало правило, то есть

уже факт. А причину той причины хорошо бы найти, чтобы опять не попасть впросак. Тем более, что фашизм в мире становится популярным.

Правда, подобные примеры были Бэкону неведомы. Или неинтересны. Выражение «Знание — сила» относилось к информации, полученной от матушки-природы. И если с накоплением богатства следует обращаться осторожно, то накопление знаний не бывает чрезмерным. Так считают Данте и Бэкон. Но здесь есть оговорка. В книге Тита Лукреция «О природе вещей» так, например, объясняются громы и молнии:

*Этих явлений причин усмотреть и понять не умеют
И полагают, что всё это божьим веленьем творится.
Ныне ж, когда я стремлюсь последней намеченной цели
Бега достичь, укажи мне путь, хитроумная Муза,
Ты, Каллиопа, отрада людей и бессмертных услада,
Чтобы, ведомый тобой, стяжал я венок достославный.
Прежде всего, небеса лазурные гром сотрясает
В силу того, что, летя высоко в пространствах эфира,
Тучи сшибаются там под натиском ветров противных.
Ведь не доносится звук из части безоблачной неба,
Там же, где тучи, толпой собравшись, сплотятся, оттуда
Чаще всего раздаются раскаты громовых ударов.*

Представляется, что объяснение грома и молнии с помощью трения туч друг о друга ничем не лучше объяснений с помощью терминов «обстоятельства», «провидение», «божье веление», как, впрочем, и «гнев Зевса». Особенно чувствительно это навязывание умозрительных причин в социологии, но и в самых настоящих «естественных» науках это остаётся проблемой.

5. О любви к родине и власти

Конец советской эпохи обычно связывают с именами Горбачёва и Ельцина. Я считаю, что это произошло «само собой», хотя, быть может, кто-то и подталкивал. Но больше я «грешу» на «брежневский застой», выдвинувший целую волну молодых энтузиастов, которые хотели «быть в первых рядах» чего-нибудь. Вот один из них. Тот, который, как пишет Википедия, «проявил большое рвение в партийной работе, что определило его карьеру». Он в своё время подписал документ «О повышении роли парткомов», в соответствии с которым меня не приняли в аспирантуру с тройкой на вступительном экзамене по истории партии.

А вот другой, редактор всевозможных коммунистических журналов и член разных бюро. Ему задали (подготовленный) вопрос: «Похожи ли Вы на своего дедушку?» — на что он ответил, что, мол, «дедушка хотел, чтобы не было богатых, а я хочу, чтобы не было бедных». Я тогда возмутился — ничего себе двусмысленность, оговорочка «по Фрейду». Политик большого масштаба не должен быть настолько неаккуратен в выражениях. Тем более, заранее обдуманно. И ничего, через пару месяцев он публично повторил то же самое!

Это была волна тех, кто был святее Папы Римского, коммунистов, которые были преданнее самых преданных бойцов революции. Не перестаю восхищаться наблюдательностью Макиавелли:

«Пример Брута должен научить всех недовольных государем взвесить и соразмерить свои силы прежде, чем начинать действовать. Если они так могущественны, что могут открыто объявить ему вражду и действовать прямо, то это, конечно, самое лучшее, безопасное и честное. Но если на открытую борьбу сил не хватает, надо всячески стараться войти к государю в милость; надо не пропускать ни одного случая, удобного для этой цели; надо делить с ним все его удовольствия и, если он развратничает, служить ему товарищем по разврату. Такая близость к семье, во-первых, предохранит жизнь, а во-вторых, даст возможность, безопасно насладившись счастьем государя, достигнуть своей цели, низвергнув его при удобном случае» (Н. Макиавелли. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия).

6. О любви к философии

Так говорит Господь: да не хвалится мудрый мудростью своею, да не хвалится сильный силою своею, да не хвалится богатый богатством своим. (Иер. 9:23)

Все писатели мудрые, но некоторые из них мудрее. Все любят мудрость, но некоторые любят больше. Особенно Кант и Гегель. Они первые сделали философию по-настоящему профессиональной. Профессор философии читает лекции. Столько-то часов в неделю. Оклад такой-то. Нужно ежегодно написать столько-то мудрых печатных листов, причём всё напечатать в Скопусе. Нанизывают одно плохоопределяемое слово на другое, связывают онтологией и гносеологией и всё это заправляют всеединством. Клянутся именем Сократа, но в чём же философская заслуга Сократа? Выпил цикуту?

Почему апостол Павел сказал: *«Смотрите, братия, чтобы кто не увлёк вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу»* (Кол. 2:8)?

Не очень понятно, чем же не угодила философия? Святой Григорий Палама пытается подробно ответить на этот вопрос в своих «Триадах», и первая из Триад начинается с объяснения *«Для чего и до каких пор полезно заниматься словесными рассуждениями и науками»*. Читатель сам с удовольствием прочитает ответ Святого Григория, а я задам вопрос, который был сформулирован несколько лет назад в шестом номере альманаха «Консерватор»: как объяснить корпускулярное строение материи, не прибегая к историческим рассказам. Только используя наблюдения за природой и «словесные рассуждения». Замечу, что таких попыток было много. Наиболее известная — книга Лукреция Кара «О природе вещей». Но там объяснение атомизма на том же уровне, на котором и объяснение грома и молнии.

Есть в книге Н.Н. Страхова «Мир как целое» большой раздел «Об атомистической теории вещества», но и здесь мы найдём лишь утверждения, с которыми могут согласиться (впрочем, не со всеми) лишь те, кто априори согласен с атомарностью вещества. Настоящее доказательство, конечно, существует, но тому, кто сможет его предложить, трудно будет делать философскую карьеру, ибо этот человек умеет задумываться, а для карьеры нужно много писать.

Короче говоря, мы признаём, что чем дальше уходим от античности, тем менее наша философия похожа на мудрость.

7. О любви к Пушкину

Очень распространённый вид любви. В соревновании на эту тему Регана и Гонерилья не будут даже в первой десятке. Думаю, что даже в двадцатке. опередил их, например, Дмитрий Сергеевич Мережковский. В 1896 году он пишет статью «Пушкин», которая затем была напечатана в его сборнике «Вечные спутники». Отмечу заранее, что в словаре Пушкина (а также Лермонтова) слова «культура» нет вообще. Зато в небольшой статье Мережковского оно встречается уже больше шестидесяти раз. Да и как встречается!

«Народ и гений так связаны, что из одного и того же свойства народа истекает и слабость, и сила производимого им гения. Низкий уровень русской культуры — причина недовершённости пушкинской поэзии — в то же время благоприят-

ствует той особенностью его поэтического темперамента, которая делает русского поэта в известном отношении единственным даже среди величайших мировых поэтов. Эта особенность — простота.

Высокая степень культуры может быть опасной для источников поэтического чувства, удаляя нас от того ночного, бессознательного и произвольного, во что погружены, чем питаются корни всякого творчества. Музы любят утренние сумерки, подстерегают первое пробуждение народов к сознательной жизни. Для возникновения великого искусства необходима некоторая свежесть и первобытность впечатлений, молодость, даже детскость народного гения.

Пушкин — поэт такого народа, только что проснувшегося от варварства, но уже чуткого, жадного ко всем формам культуры, несомненно предназначенного к участию в мировой жизни духа.

Гёте чувствовал потребность освободиться от всех искажающих призм, от тысячелетней пыли человеческой культуры, вернуться к первобытной ясности созерцания. Вот почему старался он приблизиться к простоте древних греков; конечно, это — чистейшая призма, но всё-таки — призма.

Пушкин — единственный из новых мировых поэтов — ясен, как древние эллины, оставаясь сыном своего века. В этом отношении он едва ли не выше Гёте, хотя не должно забывать, что Пушкину приходилось сбрасывать с плеч гораздо более лёгкое бремя культуры, чем германскому поэту» (Д. Мережковский. 1896).

Конечно, умиляет любовь к Пушкину свежего человека, недавно пробудившегося от варварства, но Мережковский тоже не в тройке призёров. Лидирует в нашем соревновании девиз «наше всё» и его автор Аполлон Григорьев.

«Мысль о том, что “Пушкин — наше всё”, была высказана в 1859 году Аполлоном Григорьевым и до сих пор остаётся до конца не распознанной» (Седова Галина Михайловна, доктор филологических наук).

Тут были задействованы серьёзные силы. Прочитаем, например, профессионального современного философа — Людмилу Ростиславовну Авдееву. Она является автором книги «Русские мыслители. Ап.А. Григорьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов».

1992. У этого профессионала нет упоминания о том, что «Пушкин — наше всё», но есть многое другое. Например: «*Не случайно страсть Григорьева — Пушкин, обладающий, по словам критика, властью “заклинать демонические стихии” человеческой природы, чувствующий трагедию личности, оказавшейся в плену собственной страсти — будь то зависть, жадность или властолюбие*».

Что-то, воля ваша, недоброе таится в этих словах. Нужно сказать, что и Галина Михайловна не помогла нам распознать мысль Григорьева: «Аполлон Григорьев, русский писатель и оригинальный мыслитель, считал, что поэты — “глашатаи великих истин и великих тайн жизни”, и видел в Пушкине воплощение всего самобытного, особенного, что есть в русском народе, что отличает его сознание и даже образ жизни от представителей других миров».

Представителем «других миров» является, например, Адам Мицкевич вместе со своим стихотворением, посвящённом Петербургу.

*Не зреет хлеб на той земле сырой,
Здесь ветер, мгла и слякоть постоянно,
И небо шлёт лишь холод или зной,
Неверное, как дикий нрав тирана.
Не люди, нет, то царь среди болот
Стал и сказал: «Тут строиться мы будем!»
И заложил империи оплот,
Себе столицу, но не город людям.*

На это стихотворение Пушкин ответил своим «Медным всадником».

Это не просто литературное соревнование и даже не обмен политическими «любезностями». Это было жёсткое противостояние, требующее душевных сил.

*С иными страшнейшее горе, быть может, случилось,
Иному тяжчайшая послана кара от бога:
Продав свою вольную душу за царскую милость,
Поклон за поклоном у царского бьёт он порога.
Продажною речью он царские славит успехи,
В угоду царю, проклинаясь, в нашей отчизне,
Быть может, он вновь проливает кровавые реки
И хвалится мукой друзей, уходящих из жизни.*

Не может литературный критик высокого ранга, каким считают Аполлона Григорьева многие современные философы, не понимать, что здесь нечто большее, чем нервная борьба вкусовых пристрастий, что отношение к городу превратилось уже в Шибболет³. Тем не менее, он принимает однозначно сторону Мицкевича.

*И в те часы, когда на город гордый мой
Ложится ночь без тьмы и тени,
Когда прозрачно всё мелькает предо мной
Рой отвратительных видений...
Пусть ночь ясна, как день, пусть тихо всё вокруг,
Пусть всё прозрачно и спокойно, —
В покое том затих на время злой недуг,
И то прозрачность язвы гнойной. (1845, январь, 1)*

Этакое демонстративное, подчёркнутое неприятие пушкинских образов, «ясных спящих громад», «прозрачного сумрака», «тьмы ночной» удивительным образом делает, по-видимому, из Аполлона Григорьева «оригинального мыслителя». Впрочем, в данном случае не такого уж и оригинального. Например, у Мережковского:

«Красуйся, град Петров, и стой, Неколебимо, как Россия! — восклицает Пушкин. Ужасно то, что этот исполинский нужник — исполинская могила, наполненная человеческими костями. И кажется иногда в жёлтом тумане, что мертвецы встают и говорят нам, живым: “Вы нынче умрёте!» — как сказал Печорин Вуличу, заметив на лице его “странный отпечаток неизбежной судьбы”».

Что ж, и этот почитатель «народного гения» использует образы Мицкевича:

«Вогнать велел он в недра пlyingунов / Сто тысяч брёвен — целый лес дубовый, / Втоптал тела ста тысяч мужиков, / И стала кровь столицы той основой».

И кто же из всех этих людей оказался в плену собственной страсти?

---

³ Шибболёт («колос» или «течение») — библейское выражение, в переносном смысле обозначающее характерную речевую особенность, по которой можно опознать группу людей (в частности, этническую), своеобразный «речевой пароль», неосознанно выдающий человека, для которого язык — неродной. *Цит. Интернет, Википедия.*

8. О любви к ближнему как к самому себе

Сказано, что нужно ближнего полюбить, как самого себя. Но христианин, особенно православный, нарциссизмом особенно не страдает, поскольку ходит на исповедь и себя бичует немилосердно. Следовательно, не нужно страдать и от избытка любви к ближнему. Но вот как поэту полюбить себя, пушистого? Девочкам это попроще, ведь они «этого достойны». А мужчинам? Было, правда, стихотворение «Воспоминание», описывающее состояние человека накануне исповеди.

*Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю.*

Сложное стихотворение, как сложным является состояние православного человека в такой момент. Одни проходят исповедь легко и непринуждённо — они праведники. Им сразу в рай. Однозвучный жизни шум их только томит. Другие грешники. И при подготовке к исповеди в их душе «звучат мотивы бесцельности, бесполезности, бессмысленности бытия человеческого»? Так, в всяком случае, утверждают литературоведы. Вообще исповедь — это депрессант или антидепрессант?

Вторую часть этого стихотворения Пушкин оставил в черновике. Она заканчивается появлением двух ангелов, которые «и стерегут... и мстят мне оба».

«К каждому человеку приставлены ангелы, которые следуют за человеком днём и ночью. Они оберегают душу и тело человека от всего, что может причинить им зло. А наряду с этим они сохраняют деяния, которые совершает человек,

и никогда не расстаются с ним. Безусловно, Аллах никогда не оставляет человека за пределами Своего знания. Несмотря на это, Он отправил ангелов для того, чтобы их поступки и деяния не были сокрыты от творений и не были преданы забвению. Аллах никогда не лишает людей Своей милости и мирского благополучия, пока люди не предпочтут неверие правой вере, послушание — покорности, а высокомерие — благодарности. Но если они поступают так, Аллах лишает их многого» (Тафсир (толкование) Корана (Сура 13, аят 11).

Наверное, здесь мы переходим к пониманию милосердия Всевышнего, к заботе Всевышнего о человеке. Но эта забота предполагает и «обратное чувство».

9. О любви к Богу

В Евангелии приведены слова Иисуса Христа: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим». Заметим, что допускается, что у каждого свой Бог, ибо не очень понятно, зачем местоимение «твоего». Причём это местоимение повторяется во всех трёх вариантах. Бог египтян, судя по псалму 104, послабее будет, чем Бог еврейский. Нужно ли его любить, если ты египтянин? Тот, которого в Символе веры упоминают, — Бог истинный. А тот, о котором Ричард Докинз пишет, тоже истинный? А может быть, Бог не единый для всех народов? Тот, который в Символе веры, тот, как сказано, единый. А у тех, кто не читает Символ, он либо неистинный, либо другой, но тоже истинный. Что-то не очень понятное. Это Докинз своей властью зло из тёмных бездн воззвал. Он виноват. И он взволновал ум сомнением. Не нужно сомневаться!

Во времена Пушкина библейские сомнения были в моде, в России тогда начали переводить Ветхий завет, а там много сомнений. Много непонятных мест, но много и возвышенных. Поэты, да и обычные люди пытались переложить своими словами или стихами многие тексты. Чаще всего Псалтирь. Эти переложения иногда называли пародиями. Это сейчас пародия — переложение обязательно комического характера. Но этимология этого слова не предполагает обязательную комическую добавку. Тогда это слово могло относиться и просто к неудачному подражанию. А по отношению к сакральным текстам и просто подражанию. Так что митрополит Филарет, скорее всего, употребил именно это слово, а не слово «палинодия» (не использовал Филарет заумные слова), когда упомянул об известном стихотворном диалоге с Пушкиным.

Почему литературоведы решили, что Пушкин был в угнетённом состоянии, когда написал «Дар напрасный», не очень понятно. Анна Алексеевна ему отказала — вот делов-то. Она через десять с лишним лет за молодого Ланжерона вышла — это действительно её партия. А Пушкин? Что-то не похоже на трагедию его жизни. В 1828 году он написал про маленькую ножку, а также: «Анчар», «Зачем твой дивный карандаш», «Она мила — скажу меж нами — придворных витязей гроза». И ещё множество других симпатичных стихов. Были проблемы со следствием происхождения «Гавриилиады», цензура приставала к «Андре Шенье» — стандартные проблемы, которые могли раздражать, но не до такой же степени, чтобы быть в угнетённом состоянии. Было, правда, стихотворение «Воспоминание», но я очень сомневаюсь, что его можно считать депрессивным.

Представим себе, что поэт могло интересоваться что-то иное, кроме бодания с цензурой или забот о выборе невесты. Например, как устроен мир. Кто зажжёт звёзды и сколько их на небе. И правда ли, что никакой мудрец не смог бы устроить мир лучше, чем это сделал Господь. И если мы любим Бога, то неужели же не захотим научиться премудростям его? Наверняка читатель много раз перечитывал полезные формулы Премудрости:

«Случайно мы рождены и после будем как небывшие: дыхание в ноздрях наших — дым, и слово — искра в движении нашего сердца. Когда она угаснет, тело обратится в прах, и дух рассеется, как жидкий воздух; и имя наше забудется со временем, и никто не вспомнит о делах наших; и жизнь наша пройдёт, как след облака, и рассеется, как туман, разогнанный лучами солнца и отягчённый теплотою его. Ибо жизнь наша — прохождение тени, и нет нам возврата от смерти: ибо положена печать, и никто не возвращается» (Прем. Сол. 2:2-6).

Создаётся впечатление, что комментаторы вслед за Пушкиным согласны принизить «высокий стиль» библейского текста. Поэтому и говорит митрополит Филарет о «пародии». Реплика Филарета полностью соответствует ответу Соломона на предполагаемое рассуждение «неправо умствующих».

«Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего; но завистью диавола вошла в мир смерть, и испытывают её принадлежащие к уделу его» (Прем. Сол. 2:23,24).

Реплика — репликой, но ответа всё-таки нет. Вечная жизнь — награда за праведность в земной жизни, но для грешников земная жизнь — наказание, «*ибо Бог никого не любит, кроме живущего с премудростью*» (Прем. Сол. 7:28).

Впрочем, премудрость и есть любовь к Богу.

10. О любви к русскому языку

Самая странная любовь. Заходишь в любое кафе в Петербурге — в девяносто пяти процентах случаев звучат американские песенки. В остальных пяти процентах — грузинские, азербайджанские, на других языках.

Стоишь в церкви — тексты из Евангелия читают на церковно-славянском. Да ещё и нараспев. Архимандрит Фотий считал, что нужно службу вести на русском языке, а адмирал Шишков считал, что церковно-славянский имеет сакральную силу. Трудно сказать. Праведнику, который службу знает и церковно-славянский тоже, это, наверное, важно. А неопиту скучно — мало что понятно.

В оперу приходишь — там вошло в моду петь на языке оригинала. Сидишь как в библиотеке, читаешь бегущую строку. Прекрасная опера «Тоска». Хорошо звучит на русском языке финальный монолог Каварадосси «Но никогда я так не жаждал жизни». На Западе там вся группа исполнителей практически из носителей языка оперы. У нас же два-три исполнителя поют, остальные подвывают. Зачем? Честно говоря, некоторые оперы и на русском слушать трудно. Например, «Садко». Арии гостей прекрасны, слова же в остальной части оперы просто сливаются в тяжёлый шум. В других странах в таких случаях принято перед спектаклем распространять буквальное либретто — со словами. А так — сидеть и слушать то, что не понимаешь, очень неприятно.

Про русский язык в философии — это отдельная песня. Отдельным же должен был бы быть разговор о бюрократическом издевательстве над языком.

Страшновато следить за тем, что происходит с использованием возвышенных слов — «свобода», «справедливость», «истина». И кажется, что в основе всей этой неурядицы смысловая путаница. То есть что-то не то происходит в мозгах. Может быть, это относится и к другим главам нашего небольшого обзора.